ПРАВО И ЖИЗНЬ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Правовые инновации и инновационные правовые режимы: причины недоверия

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕГТЯРЕВ[a]
a Правительство Хабаровского края

DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-6-30-34

Аннотация: Стратегическое планирование в области совершенствования правового обеспечения и реализации государственного управления, совершенствования системы государственной службы предусматривает внедрение новых юридических технологий, при этом фиксируются его массовые сбои. Автор поднимает вопрос о необходимости поиска причин таких сбоев не столько в недисциплинированности или в недостаточной квалификации государственных должностных лиц, сколько в присущих праву и правовой работе специфических онтологических особенностях. Автором исследованы международный опыт, а также опыт Хабаровского края в 2020–2022 годах. Применены научные методы анализа и синтеза, индукции, дедукции и абдукции, формализации, классификации, моделирования и др. Представлена авторская дефиниция понятия «инновационный публично-правовой режим», сформулированы и объяснены детерминанты недоверчивости и избегания частными юридическими фирмами (юридическими подразделениями корпораций), юридическими подразделениями органов государственной власти принятия, внедрения и применения юридических инноваций в текущей и проектируемой юридической работе. Регуляторная среда по своей природе адаптивна (хотя и имеются объективно-детерминированные пределы такой адаптивности). Внедрение правовых инноваций прежде всего связано с вопросами продуманности, интенсивности и масштабности, а также эффективности валидации. Со временем регуляторная среда приобретает все бóльшую сложность и разнородность, и эта тенденция становится все более выраженной, имея при этом нелинейную, экспоненциальную зависимость. При этом влияние технологий на право и правовую работу, пока еще слабо понятое и объясненное, постепенно создает предпосылки для грядущих тектонических изменений в природе и онтологии права, в регуляторных ландшафтах.

Ключевые слова: инновационный публично-правовой режим, инновационные юридические технологии, экспериментальный правовой режим, экспериментальное законодательство, теория права, административное право

Дата поступления статьи в редакцию: 31 октября 2022 года.

Legal innovations and innovative legal regimes: reasons for distrust

RESEARCH ARTICLE

MIKHAIL VLADIMIROVICH DEGTYAREV[a]
a Government of the Khabarovsk Krai

Abstract: Strategic planning in the areas of legal support, public administration, and public service improvements provides for the new legal technologies while there are still massive failures being registered. The author raises the question of the necessity to find the reasons for such disruption not only in insufficient discipline or qualifications of public officials but also in the specific ontological peculiarities inherent in the law and legal work. In the course of the work, the author analyzed international experience, as well as relevant practice in Khabarovsk Krai in 2020–2022. The article applies scientific methods of analysis and synthesis, induction, deduction and abduction, formalization, classification, modeling, etc. In the paper, we can see the author's definition of an «innovative public law regime». In addition, the author outlined and explained the determinants of distrust and avoidance by private law firms (legal departments of corporations) and legal departments of public authorities to adopt, implement and apply legal innovation in current or projected legal work. The regulatory environment is adaptive in nature (although there are objectively determined limits of such adaptability). The introduction of legal innovations is primarily associated with issues of thoughtfulness, intensity and scale, as well as the effectiveness of validation. Over time, the regulatory environment becomes more complex and heterogeneous, and this trend becomes more pronounced, while having a non-linear, exponential dependence. At the same time, the impact of technology on law and legal work, which is still poorly understood and explained, gradually creates the prerequisites for future tectonic changes in the nature and ontology of law, in regulatory landscapes.

Keywords: innovative public law regime, innovative legal technologies, experimental legal regime, experimental legislation, legal theory, administrative law

Received: October 31, 2022.

Введение

Диспут о правовых инновациях идет уже давно и непросто [Kelso, 1945/1946. P. 378–383]. Правовые технологии и юридические инновации в текущей и проектируемой юридической работе (юридико-консультативной, норморайтерской, юридико-аналитической, судебной, надзорной, аудиторской и др.), продолжая в своем развитии оставаться в «подростковом возрасте», находятся сегодня в процессе активного обсуждения, проектирования, тестирования, принятия, использования юридическим сообществом. Есть сомневающиеся, есть отвергающие, есть активные сторонники – в любом случае равнодушных нет.

Согласно Лахлану Макнайту, сегодня потребители юридической помощи, юридического сопровождения и юридических услуг выступают основными факторами давления на частные юридические фирмы (юридические подразделения корпораций), на юридические подразделения органов государственной власти (и в целом – на государственные органы) и на отдельных юристов в части внедрения и применения правовых инноваций [The Future…, 2017. P. 103]. И такие изменения, по мнению Джека Ньютона, определяют будущее юридической работы и юридической индустрии как минимум уже в среднесрочной перспективе[1], а то и в ближайшее время.

Но насколько сама правовая среда открыта к таким инновациям? Этот вопрос не обсужден, ему и посвящена настоящая статья.

Выраженные позитивные тенденции и хорошие перспективы внедрения правовых инноваций

Регуляторный эксперимент и активное предиктивно-преобразующее правовое моделирование, инструменты итеративно-адаптируемого регулирования (в том числе в рамках «регуляторных песочниц»), иной инструментарий (см. подробные описания объяснения в других наших научных публикациях), посредством которых тестируются, вводятся, корригируются и расширяются инновационные правовые режимы (как некоторые формы «продвинутых» правовых порядков [Понкин, 2016(a). С. 8–10; Понкин, 2016(b). С. 11–20]) – не только частно-правовые, но прежде всего публично-правовые – активно вводятся в повседневную онтологию отраслевых правовых ландшафтов страны, в целом ее правового пространства [См.: Curran, 2021; Davis, 2020; Future Law…, 2020; Hunter, 2020. P. 1199–1225; The Future of Law…, 2017. Williams, Platt, Lee, 2016. P. 1–84].

Несмотря на вполне логично ожидаемое некоторое число провалов с правовым экспериментированием [Баранов, Лаврентьев, Трусов, 2022. С. 110–119] (а ни один эксперимент от этого не гарантирован, на то он и эксперимент по своей природе), все это активно продвигается и развивается. Как писал Ролан Драго еще в 1981 году, «справедливо, что, упрекая общественные науки в ненаучности, им ставили в вину именно отсутствие основного элемента всякого научного исследования – эксперимента. Но сейчас появилась возможность восполнить этот пробел. Использование электронной техники позволяет строить “модели” и прибегать к “моделированию” ситуаций в тех областях, где экспериментирование ранее было невозможным… Метод эксперимента в общественных науках обычно не применяется, хотя современные приемы “моделирования ситуаций” позволяют проводить своего рода лабораторные опыты» [Драго, 1982. С. 9, 82].

Онлайн-курсы юридических школ, использование подкастов для повышения квалификации, машиночитаемое право, машинная правовая аналитика, в том числе предиктивная и предиктивно-моделирующая, интеллектуализированные информационно-правовой поиск и документооборот, осуществляющие первичное юридическое консультирование чат-боты, использование цифровизации документации и автоматизации процессов для создания определенных типов юридических документов, – все это набирает популярность. По разным данным (за последнее десятилетие таких замеров было немало), число практикующих юристов, готовых к профессиональному освоению и внедрению в свою юридическую практику новейших регуляторных технологий, цифровых аналитико-обеспечительных технологий, цифровых технологий обработки данных и документации, составляет как минимум половину от общего их числа, и есть тенденция уверенного роста.

Отчет компании «Клио» о тенденциях в правовой сфере за 2020 год[2] выявил положительные тенденции внедрения новейших (как цифровых, так и организационных) регуляторных технологий в деятельность субъектов правовой деятельности, подтвердил, что внедрение более чем одной технологии оказывало, как правило, комплексное положительное влияние на эффективность юридического бизнеса. Более интенсивно, активнее и масштабнее такие инновации внедряются в коммерческой «вселенной» осуществления юридического сопровождения и оказания юридической помощи и юридических услуг. Существенно меньше все это воспринимается и задействуется на уровне органов публичной власти. Но заметны в обществе не столько разовые частные продвижения инноваций в какой-л. частной юридической фирме, сколько именно внедрение инновационных публично-правовых режимов (составляющих предмет публично-правовых наук).

Согласно нашей авторской дефиниции, **инновационный публично-правовой режим** – это нормативно-правовой (то есть выстроенный и санкционируемый публичной властью) порядок (как аттрактивная часть регуляторного ландшафта в определенной сфере, в определенных условиях, по определенному направлению и видам деятельности и/или в отноше-

1 *Newton J.* The Future of Law: A New Vision for Legal. https://www.clio.com/blog/future-law-new-vision-legal/

2 2020 Legal Trends Report. https://www.clio.com/resources/legal-trends/2020-report/

нии определенного круга субъектов), объективируемо воплощаемый в форме обособленного дифференцированного комплекса явных и неявных правовых предписаний (материальных и процессуальных) – правовых норм, принципов и процедур (алгоритмов) принятия и реализации решений, – представляющего квинтэссенцию рационализированного текущего и нацеленного на перспективу властного повелевания, и отвечающий требованиям: 1) необходимо и достаточно приемлемого уровня нормопроектировочной проработанности и релевантности, 2) полезности, 3) необходимо и достаточно приемлемого уровня новизны, 4) реализуемости, 5) согласованного или опережающего отражения и конструирования социальной реальности и социального порядка.

Детерминанты недоверия и уклонения от юридических инноваций

Но есть и детерминанты продуцирования и поддержания недоверия, и сомнений в отношении правовых инноваций. И они общие как для частно-правовой, так и для публично-правовой сфер. Насколько они достойны нашего внимания? Однозначно да. Причем не стоит представлять их как нечто схематичное и примитивное.

Нередко можно столкнуться с обвинениями в адрес юристов, неосновательно вменяющими нам ретроградность и склонность к архаике. Однако сферу права следует научиться для начала глубоко понимать, здесь неуместен грозящий критическим ущербом метод наскока.

Проведенное нами исследование международного опыта, а также на основе опыта Хабаровского края в 2020–2022 годах позволило обоснованно выделить следующие **детерминанты недоверчивости и избегания частными юридическими фирмами (юридическими подразделениями корпораций), юридическими подразделениями органов государственной власти (и в целом – государственными органами) и отдельными юристами принятия, внедрения и применения юридических инноваций в текущей и проектируемой юридической работе** (юридико-консультативной, норморайтерской, юридико-аналитической, судебной, аудиторской и др.):

1. Правовому пространству (а равно и профессиональной юридической деятельности) онтологически присуще свойство выраженной ригидности (невосприимчивости, сопротивляемости) к избыточно поспешным и скороспелым глубинным трансформациям (тем более к тем, что с сомнительной основательностью), к излишне вольным экспериментированиям, к радикально новым правовым подходам, инструментариям и парадигмам. Все это определяет привычные нам свойства формализованного и логически выстроенного порядка под названием «сфера права»; с этим ничего не поделать и делать ничего не надо, это нормально и ожидаемо на день сегодняшний, поскольку определяется самой природой права, поэтому и юристы, как правило, довольно консервативны.

2. В условиях, когда правовая деятельность (за исключением норморайтерской) выраженно аттрактивно персонифицирована (то есть речь всегда о конкретных живых людях с их конкретными правами, свободами, законными интересами, их чувствами, требованиями, запросами, ожиданиями, притязаниями; оперирование обезличенными данными занимает ничтожную долю в общем объеме юридической деятельности и носит вспомогательный характер), юридические фирмы и юридические подразделения (корпораций и госорганов) по роду своей деятельности и диктуемым им императивам связаны требованием разумной предосторожности. Это означает, что клиенты доверяют юристам самую ценную конфиденциальную информацию, защищенность которой может быть дискредитирована неразумным или поспешным применением новых регуляторных, надзорных, судебных, юридико-консультативных и других подходов и технологий. В этом кроется причина вынужденной осторожности ко всему «новому» – и ради собственной чистой профессиональной совести, и ради того, чтобы оградить клиентов от ошибок или увеличения рисков (чего клиенты категорически не хотят), юристы предпочитают опираться именно на проверенные методы юридической работы.

3. Очевидные для юристов энтропийность, неопределенность, сомнения в возможности достижения реальных результатов с помощью правовых инноваций, связанных с цифровыми технологиями. По мнению ряда авторов, «сегодня непосредственно в сфере права и правовой деятельности в России предлагается весьма немного законченных и прагматически релевантных IT-продуктов, основная же масса – это просто рекламные “ролики”. Позиционируемое в качестве искусственного интеллекта для юристов никакого отношения к искусственному интеллекту, как правило, не имеет. Несколько более продвинутый поиск, чуть более совершенная система автоматизированного документооборота, некоторая автоматизация рутинных “канцелярских” процессов – но пока не более того. То, что сегодня из такого рода продуктов реально предлагается для юристов, – это может быть полезно лишь для компаний, которые можно сравнить с низкобюджетными парикмахерскими, берущими мало с клиентов, но и не заморачивающимися на них особенно (10–15 минут, и следующий), то есть для низкобюджетного и потокового (весьма поверхностного, фрагментарного и посредственного) юридико-консультативного обслуживания клиентов с невысокими запросами, ожиданиями и финансовыми возможностями. Для ведущих действительно серьезные и сложные дела юристов и юридических компаний это все более относимо к обманутым ожиданиям» [Понкин, Лаптева, 2021. С. 170–171]. Еще пример: исследование лондонской инвестиционной компании MMC Ventures выявило, что в 40 % из почти трех тысяч стартапов искусственного интеллекта в Европе в реальности

не имеют вообще никакого отношения к нему[3]. В России эта проблема не менее острая – когда за искусственный интеллект выдается все что угодно, к нему никакого отношения в реальности не имеющее [Понкин, 2022. С. 13]. При этом такие экзерсисы более чем затратны, и очень легко потратить большие финансовые средства на разработку некоего «волшебного» (по словам IT-разработчиков) программного обеспечения, но остаться в конце концов без сколь-нибудь существенных результатов (если для юридических фирм или юридических подразделений корпораций это будут только финансовые потери, то для юридических подразделений госорганов это может окончиться совсем плачевно).

4. Преимущественная связанность интенсивного порождения условий и предпосылок возникновения и детализирующей кристаллизации идей инноваций в праве (как, впрочем, и в иных сферах), проектирования и внедрения (иногда – предварительного тестирования) правовых инноваций (в том числе в метаформатах и размерностях, то есть в виде инновационных правовых режимов), выведения их на проектную мощность – или условиями кризисов, или условиями исчерпанности до того устоявшихся и применявшихся подходов, достигнутости пределов исчерпанности их рабочих потенциалов. При этом субъективистски детерминированная гетерогенность (неоднородность) оценивания и позиционирования размерности давления отрицательных факторов (как уже «невыносимых»), а таких условий – как уже безвариантно указывающих на необходимость правовых инноваций и побуждающих к их внедрению и использованию – создает и неопределенности в принятии таких радикальных решений об инновациях.

5. Косность по отношению к правовым инновациям определяется пониманием руководителями юридических фирм и юридических подразделений объективно обусловленной затратности самостоятельного проектирования, тестирования, внедрения и выведения их на проектную мощность или же лицензированного использования разработок третьих лиц, а такие статьи расходов у руководителей юридических фирм и юридических подразделений (госорганов и корпораций) крайне непопулярны.

6. При всей очевидной формализованности права и правовой помощи и услуг в целом та часть правового пространства и правовой онтологии, что как раз недоступна грубой формализации [Понкин, Редькина, 2019. С. 39–48] и подлежит максимум фрагментарной и поверхностной типизации, воспринимается как сфера сугубо уникальных профессиональных юридических продуктов, определяет склонность юристов считать невозможной, а потому ненужной «продуктификацию» юридической помощи и юридических услуг – превращения таковых в стандартизированные и унифицированные (шаблонированные, пусть и с возможностью итеративно-адаптируемого подбора) продукты. В таком позиционировании есть как объективная детерминация, так и субъективная составляющая, отсылающая как раз к косности и лености мышления.

7. Онтологически присущее правовой сфере, правовой науке и правовой деятельности существенно меньшие разнообразие и разброс точек зрения в сравнении с иными отраслями и сферами общественных отношений, по которым зачастую сложились и устоялись понимание и поверка меры должного в смелости экспериментирования с внедрением новых подходов и технологий, а такой автоматический «перенос» в корне неверен.

8. Исторически сложившаяся и по сей день присущая сфере оказания юридической помощи и юридических услуг система оплаты, акцентированно сфокусированная на оплачиваемых часах, на оплате затрачиваемого (проектировочно и/или реально) времени на проектирование, подготовку, обеспечение и оказание указанных помощи и услуг. Эта система плохо стыкуется с инновациями. Однако надо понимать, что у юристов здесь тоже есть свои веские резоны (нет оснований ожидать, что они согласятся исключать из оплаты своего труда ту составляющую, что покрывает закупку в высшей степени дорогостоящей и объективно необходимой им профессиональной юридической литературы, покрывает затраты на обучение и повышение квалификации, затраты на брендирование и рекламу, сводя оценки своего участия лишь – условно – к нажатиям кнопки для распечатки на принтере листов документа). Все это усугубляется наличием иерархической структурированности юридических фирм и подразделений.

9. Фактор отложенного результата от начала внедрения инноваций: возрастные управляющие партнеры юридической фирмы не склонны вкладывать средства в то, что они не увидят (выгоды от внедрения инноваций), а молодые управляющие партнеры, как правило, не склонны идти на конфликт ради (и в их восприятии так же) иллюзорных выгод, объективно к тому же сопряженных с рисками.

Тем не менее эти позиции вполне могут не становиться камнем преткновения, если грамотно и адекватно учитывать отраженные в них данности, и тогда внедрение правовых инноваций будет существенно более активным и положительно-результативным.

Заключение

Регуляторная среда по своей природе адаптивна (хотя и имеются объективно-детерминированные пределы такой адаптивности). И внедрение правовых инноваций неминуемо (было, есть и будет), вопросы здесь состоят лишь в продуманности, интенсивности и масштабности, а также в эффективности валидации.

Согласно Е.В. Аристову, со временем регуляторная среда приобретает все бóльшую сложность и разно-

3 *Ram A.* Europe's AI start-ups often do not use AI, study finds: Research shows two-fifths have no artificial intelligence programs in their products. *Financial times*. 05.03.2019.

родность, и эта тенденция становится все более выраженной, имея при этом нелинейную, экспоненциальную зависимость [Аристов, 2022. С. 8–18].

Необходимо выделить следующую интересную тенденцию: по мере того как инновационные регуляторные, аналитико-правовые, юридико-обеспечительные технологии и иные юридические технологии и инструментарии получают все более широкое распространение и внедрение и все более активно применяются, их изначально декларируемая и объективно наличествующая инновационность постепенно размывается, и они все больше становятся просто еще одним привычным и рутинным инструментом для выполнения определенных задач, постепенно уступая в своей инновационности место последующим шагам и решениям. Понятие инновационных регуляторных и иных юридических технологий сохранится, но со временем будет циклически трансформироваться их содержание.

Но аналогичным образом и то, что ныне или в обозримом будущем представляется инновационным публично-правовым режимом, уже через какое-то время будет постепенно становиться все более и более привычным, обыденным в государственном управлении.

Литература

Аристов Е.В. Новые регламентарные технологии и прочие предвестники права будущего. *Ex Jure*. 2022. № 2. С. 8–18.

Баранов В.М., Лаврентьев А.Р, Трусов Н.А. Независимая антикоррупционная экспертиза в России: неудачный эксперимент. *Государство и право*. 2022. № 1. С. 110–119.

Драго Р. Административная наука: Пер. с франц. В.Л. Энтина; под ред. и с послесл. Б.М. Лазарева. М.: Прогресс, 1982.

Понкин И.В. Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2022.

Понкин И.В. Теория государственного управления: содержание понятия «порядок». *Административное право и процесс*. 2016(a). № 11. С. 8–10.

Понкин И.В. Энтропия, негэнтропия и порядок в публичном управлении и в праве. *Право и образование*. 2016(b). № 9. С. 11–20.

Понкин И.В., Лаптева А.И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2021.

Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровая формализация права. *International Journal of Open Information Technologies*. 2019. Vol. 7. № 1. С. 39–48.

Curran L. Better Law for a Better World: New Approaches to Law Practice and Education. New York: Routledge, 2021. In English

Davis A.E. The Future of Law Firms (and Lawyers) in the Age of Artificial Intelligence. *The Professional Lawyer*. 2020. Vol. 27. No. 1. In English

Future Law: Emerging Technology, Regulation and Ethics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. In English

Hunter D. The Death of the Legal Profession and the Future of Law. *UNSW Law Journal*. 2020. Vol. 43. No. 4. P. 1199–1225. In English

Kelso L.O. Does the Law Need a Technological Revolution? *Rocky Mountain Law Review*. 1945/1946. Vol. 18. P. 378–383. In English

The Future of Law and Innovation in the Profession / The FLIP Report 2017. Sydney: Law Society of New South Wales, 2017. In English

Williams J., Platt A., Lee J. Disruptive Innovation: New Models of Legal Practice. *Hastings Law Journal*. 2016. Vol. 67. No. 1. P. 1–84. In English

References

Aristov E.V. New regulatory technologies and other harbingers of the law of the future. *Ex Jure*. 2022. No. 2. P. 8–18. In Russian

Baranov V.M., Lavrentiev A.R., Trusov N.A. Independent anti-corruption expertise in Russia: an unsuccessful experiment. *Gosudarstvo i pravo*. 2022. No. 1. P. 110–119. In Russian

Drago R. Administrative science. Translated from French by V.L. Entin; edited and with an afterword by B.M. Lazarev. Moscow: Progress, 1982. In Russian

Ponkin I.V. Military analytics. Military applications of artificial intelligence and numbers / Consortium "Analitika. Pravo. Tsifra". Moscow: Buki Vedi, 2022. In Russian

Ponkin I.V. Theory of public administration: the content of the concept of «Order». *Administrativnoye pravo i protsess.* 2016. No. 11. P. 8–10. In Russian

Ponkin I.V. Entropy, negative entropy and order in the public administration and in law. *Pravo i obrazovaniye*. 2016. No. 9. P. 11–20. In Russian

Ponkin I.V, Lapteva A.I. Law and digit: machine-readable law, digital twin models, digital formalization and digital onto-engineering in law: textbook / Consortium "Analitika. Pravo. Tsifra". Moscow: Buki Vedi, 2021. In Russian

Ponkin I.V, Redkina A.I. Digital formalization of law. *International Journal of Open Information Technologies*. 2019 Vol. 7. No. 1. P. 39–48. In Russian

Информация об авторе:

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕГТЯРЕВ, кандидат юридических наук, губернатор
Хабаровский край (Российская Федерация, 680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 56).
E-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru

Для цитирования: *Дегтярев М.В*. Правовые инновации и инновационные правовые режимы: причины недоверия. *Государственная служба.* 2022. № 6. С. 30–34.

Information about the author:

MIKHAIL VLADIMIROVICH DEGTYAREV, Candidate of Sci. (Law), Governor
Khabarovsk Krai (56, Muravyova-Amurskogo St., Khabarovsk, 680000, Russian Federation).
E-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru

For citation: *Degtyarev M.V*. Legal innovations and innovative legal regimes: reasons for distrust. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2022. No. 6. P. 30–34.